

В СТАРОМ ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Провели, наконец, троллейбусную линию в Кривополье и открыли два маршрута. Жители вздохнули с облегчением – теперь в один конец города, к вокзалу, можно будет добраться не на дребезжащем и «долгоиграющем» трамвае (мы не берем в расчет маршрутки, так как большинство жителей района – рабочие, пенсионеры, инженеры, врачи, учителя и студенты – пользуются в основном муниципальным транспортом), а в другой, до станции Южная и еще южнее, – вообще, впервые без пересадок. Троллейбусы-то пустили, но самые что ни на есть старые, со страшным скрежетом и с разбитыми напрочь рессорами. Однако это не смутило мечтателей о «светлом будущем». Они стали грезить уже о маршруте в Заупье, но один из маршрутов, а именно «южный», вдруг почему-то отменили. Да, недолго длилась радость людей. Хотя по вокзальному направлению «старички», постанывая, катились с завидной точностью, по расписанию.

Вот в один из таких троллейбусов, после трудов праведных, по дороге домой, Виталий и сел однажды, подумав: «Отчего удивляться этому старью, если сегодня на стройке сам видел, как воду для бетонно-половых работ везут в пластиковых бочках на погрузчике, несмотря на то, что водопровод был изобретен еще в Древнем Риме!» — но мысленно махнул рукой и хотел было по привычке задремать

от усталости и городского смога в сочетании с неприглядностью – с какой стороны ни посмотри, – транспортного средства, как тут...

Молодая женщина лет тридцати пяти, кондуктор, судя по сумке и прибору для регистрации проездных, сидела вполоборота к Виталию на одном из передних сидений, что против хода машины, спиной вперед, разговаривая, видимо, с подругой, такой же, как она, кондукторшей, но на отдыхе. Троллейбус, кряхтя рессорами, дребезжа стеклами и всем, что плохо держалось, ехал, заглушая звуки их речи, но смысл разговора можно было понять по обрывкам некоторых долетавших до Виталия фраз.

Чем-то необъяснимо интригующим, – может быть, это были глаза: их форма, глубина и невероятная теплота и нежность; овал лица, улыбка или милая стрижка темно-каштановых волос, а может быть, тонкий, внимательно заинтересованный поворот головы, – веяло от нее. Было чувство, что она залетела из прекрасного, не похожего на нынешнее время далёко или спустилась прямо с небес.

Чтобы как-то отойти от наваждения, Виталий посмотрел в окно. Мимо проплывали обычные и давно знакомые городские пейзажи. Иногда привлекали внимание характерным для Т. юмором вывески магазинов и фирм. Вот снова Виталий отвлекся на необычную рекламу, но боковым зрением уло-

Яков Наумович ШАФРАН – член академии российской литературы, член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат всероссийских литературных премий: им. Н.С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова. Заместитель главного редактора журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег».

Живет в городе Тула.

вил ее взгляд, посмотрел на нее, и снова выражение ее глаз притянуло и заорожило его. Их взгляды встретились, и на несколько мгновений ни он, ни она не могли оторваться друг от друга. Женщина взглянула в сторону подруги, но затем снова посмотрела на Виталия. Ее лицо, светящееся добротой, в то же время было тронуту неким налетом тоски. Однако не покидало ощущение, что она все же счастлива каким-то внутренним спокойствием своего душевного мира. Все это струилось в сторону Виталия, и он, грешный, вдруг поверил, что эта волна нежности, добра, счастья и глубинного покоя предназначалась ему. Душа Виталия стала мягкой, в ней зазвучали – и слышал он теперь только их, а не привычные троллейбусные шумы, – лирические мелодии на мотивы песен Анны Герман и Валентины Толкуновой, теплой ласковой волной окутавшие душу.

На миг – только на миг! – Виталий вообразил, что он не старый больной человек, который никогда и не был женским любимцем, а молодой блестящий мужчина, и что может нравиться такой женщине, как эта прекрасная Незнакомка. А вдруг и для Виталия приготовлено свыше счастье, любовь, и это ее выражение глаз и невероятная нежность – из-за него и только для него? Куда-то вдруг исчезла вся его хмурость, многолетняя печаль, неуверенность в себе, где-то и прощение себя, душу стало постепенно наполнять ответное тепло, и стали вдруг рождаться особые слова, которые он ей обязательно скажет, обязательно, вот сейчас!..

А троллейбус тем временем уверенно приближался к пункту назначения. Оставалось две остановки. Виталий уже было приподнялся, чтобы подойти к ней и, невзирая

на подругу и на соседней-пассажи-ров, сказать эти слова из самого сердца, из самых его затаенных уголков, но... вдруг чья-то жесткая рука – судьбы или чего-то там еще – надела на плечо всем опытом прошлой жизни, чередой ошибок и потерь, всей многолетней горечью отсутствия ответного тепла, любви и счастья, всей многолетней неуверенностью и страхом разочароваться, – что вновь из этого ничего хорошего не выйдет, что все это – визуальный и чувственный обман и не более того, и Виталий опустился на сиденье, вытер пот со лба и стал усиленно и внимательно смотреть в окно. Забрезживший было, в душе свет погас, и лирические мелодии любви замолкли.

«Ну, конечно, обман!..»

Вот и остановка. Не глядя на Незнакомку – и ни на кого, – Виталий деловито прошел в выходной двери. Было ощущение, что все пассажиры смотрят на него. Боковым зрением Виталий увидел ее удивленно-потерянный долгий взгляд, которым она проводила его, и вышел.

Двери троллейбуса захлопнулись. Виталий стоял на остановке и смотрел на Незнакомку через стекло. Она смотрела на него. Троллейбус тронулся с места и заторопился, пока до самого светофора не было машин. Ее лицо пропало из поля зрения. Все вернулось на круги свои. Как всегда сутулясь и опустив глаза, Виталий пошел по многолюдной, но теперь пустынной для него, улице.

Шел затяжной, кажущийся вечным и древним мелкий дождь. Ботинки хлюпали по лужам, вмивная еще недавно блиставшие на деревьях золотом листья в осеннюю жижу под ногами. Казалось, она простиралась до самого горизонта.

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА

Антон пришёл в офис, как обычно, за пятнадцать минут до начала работы. К этому времени почти все сотрудники уже на своих местах, и ровно в десять начнётся размеренный, такой же, как вчера, позавчера, месяц и год тому назад, рабочий день. Никто и ничто не в силах изменить этот заведённый порядок во всех его проявлениях начиная с одежды, дизайна помещений и кончая делопроизводством на всех уровнях, снизу доверху. Всё разнообразие заключалось лишь в том, что сегодня, может быть, первая выкуренная сигарета будет не в десять сорок пять, а в одиннадцать пятнадцать, предобеденная чашка кофе на двадцать минут раньше, чем вчера, и обедать будут не в «Макдоналдсе», а в «Ростиксе». Итак, каждый день лишь с чуть заметными вариациями, которые не нарушают этот порядок, а лишь подчёркивают его незыблемость. Порядок царил в офисе, всё подчинялось ему, это он говорил устами секретарши: «У вас галстук немного ярковат» или «Где вы взяли рубашку с таким допотопным воротничком?» Впереди виделась бесконечная череда одинаковых рабочих дней, одинаковых выходных, тоже с небогатым набором дел и развлечений, повторяющихся изо дня в день. Можно было легко предвидеть, что скажет тот или иной сотрудник, жена или сын в ответ на твой вопрос или замечание.

В этом единообразии жизнь летела, как стрела, выпущенная из лука кем-то, когда-то и без твоего ведома. Хотелось крикнуть жизни: «Стой, остановись! Куда ты несёшься, как угорелая?» Но никто не кричал, и лишь глубокое бездонное недоумение по этому поводу

читал Антон в глазах сотрудников и домочадцев, предполагая, что они то же самое читают и в его глазах. И имя всему этому было – тоска.

По всей видимости, сегодня она перешла некий предел, и, когда Антон ехал домой, им овладела давящая всё и вся отупелость. Мыслей после работы у него уже давно не бывало, а сегодня ничто не оставляло в его душе даже обычных эмоциональных откликов. Каким-то краешком своего сознания он понимал, что это не умственная усталость, а самая настоящая душевная тупость, но ничего поделать с этим не мог. Прогоны между станциями метро пролетали как дни, месяцы и годы его жизни, и осознание этого ещё более усугубляло его теперешнее состояние.

Жена смотрела очередной сериал, оторвавшись только затем, чтобы приветствовать его дежурной улыбкой. Чада были заняты своими обычными делами: сын играл на компьютере, а дочь одним глазом глядела на экран dvd-плеера, где демонстрировался какой-то супермолодежный фильм, а другим – в свой всегдашний журнал. Всё было как всегда. И ужин был обычным, и пиво его любимое, которое он пил каждый вечер. На кухне царил идеальный порядок, всё блестело, даже пепельница, возле которой лежали его сигареты и зажигалка – он любил покурить после ужина.

Ничто не нарушало обычного заведённого хода вещей, ничто, впрочем, кроме одного – всё усиливающейся тоски. Она опускала ему веки, закрывала глаза, которые и так ни на что не хотели смотреть. Наскоро поужинав и покурив, не приняв душ, Антон тихо прошёл в спальню и завалился на постель.

Сон не шёл, сознание тяжело ворочало неясные, но тяжёлые глыбы каких-то тёмных образов, и он долго лежал, изредка переворачиваясь с боку на бок. Откуда-то появились шеренги людей на одно лицо, в одинаковых тёмно-серых костюмах, белых рубашках, похожих галстуках и чёрных ботинках, которые шли по улице. Женщины выделялись среди мужчин только формами тела и наличием юбок вместо брюк. Вокруг стояли абсолютно одинаковые дома, по мостовой двигались абсолютно одинаковые автомашины, витрины соответствующих магазинов и их вывески были абсолютно одинаковы. Если кто-то улыбался, то все начинали улыбаться, если кто-то хмурил брови, то все начинали хмуриться, если кто-то покупал фаст-фуд, то все начинали есть фаст-фуды. Антон обнаружил, что и он является одним из этих людей, у него мурашки побежали по спине, он захотел бежать, но не мог повернуть в сторону и перейти на бег, как ни силился – ноги не слушались его, они были частью шеренги, как и он сам.

Но вдруг что-то произошло, шеренги расстроились, шаг сбился, люди в страхе стали хватать друг друга за руки, любопытные высыпали из магазинов, заведений и офисов. Никто не мог понять, в чём дело, на всех лицах была написана растерянность. Откуда-то стала звучать мелодия, и она была не похожа ни на что слышанное ранее. Когда же ритмичный топот тысяч ног стих, так как люди, по большей части, остановились, Антон услышал музыку. Это играла флейта. Она звучала всё громче и громче, заполняя собой всё пространство и вовне и внутри. Вот высокая долгая нота её задрожала на пределе, задрожала и оборвалась... Антон

начал метаться и искать, где же эта флейта, где эта мелодия, как что-то родное и близкое, которое столько искал, нашёл и вдруг потерял – Боже, ну, где же она?! – стал искать вначале по улице, расталкивая таких же мечущихся, как он сам, потом в чём-то тёмном, вязком и давящем, потом в постели...

Он открыл глаза, продолжая шарить вокруг себя по простыни, по одеялу, оглядывая тёмную комнату и тяжело дыша. «Господи, что же это было?.. Мелодия... музыка... флейта... Флейта, ну, конечно, флейта!...» Это была флейта, его флейта, на которой он играл в детстве и подростком, по классу которой он даже одно время учился, и подавал большие надежды, все преподаватели говорили ему о таланте и прочили блестящее будущее. Но родители рассуждали практично, да что родители, он и сам так рассуждал – в наш век нужно заниматься бизнесом, всё остальное нужно забыть! Забыть?! «Но почему забыть?! Почему нужно было забыть?!» – думал он сейчас.

Антон находился ещё на грани сна и реальности, когда размыты все каноны и установки сознания, когда низвергнуты все авторитеты бытия, когда ясно слышен один голос, голос своей души. И этот голос говорил ему сейчас, спустя почти двадцать лет: «Возьми свою флейту. Почему нельзя заниматься бизнесом и играть на флейте? Смешно? Будут смеяться? Почему не смеются над богатыми, которые, как дети, занимаются тем, чем они хотят? Вернись к себе, возьми свою флейту и играй! У тебя талант, и ты должен его реализовать в жизни, ты должен играть, по крайней мере, для себя и людей, которые тебя окружают, это исцелит и возродит тебя, как вода возрождает засохшее

дерево, путника, умирающего от жажды, землю, потрескавшуюся от зноя! Играй, не бойся быть иным, непохожим, будь собой!»...

Флейта лежала на том же самом месте, где она лежала всегда, несмотря на все переезды. Почему она хранилась, никто в семье не смог бы дать вразумительного ответа, но она хранилась, то ли как реликвия, то ли как память, то ли просто в силу своей необычности. Он бережно вытащил свёрток, развернул, осторожно взял флейту двумя пальцами, словно боясь сломать, некоторое время просто держал её, привыкая, потом нерешительно поднёс к губам и издал несколько звуков. Руки дрожали, он перевёл дыхание и закурил. Звуки, вызванные им, успокоили его и вызвали к жизни приятные воспоминания, связанные с музыкой. Антон снова взял флейту, на этот раз увереннее, и заиграл, заиграл, не думая ни о чём, ни о том, что скажут жена и дети, соседи, коллеги по работе, друзья и знакомые, заиграл во всю силу своих лёгких. И случилось странное, вначале замолкли виртуальные взрывы и выстрелы, затем гвалт и гомон сериальных разборок, и громкие глухие ритмы тяжёлого рока, в квартире смолкло всё, кроме флейты. Через некоторое время в спальню вошли по очереди с широко раскрытыми испуганными глазами жена, удивлённая дочь и насмешливо ухмыляющийся сын. Но по мере того, как они слушали и видели непередаваемое выражение лица Антона, движения его рук и всего тела, по мере того, как мело-

дия всё больше и больше звучала, заполняя собой пространство, лица жены и детей светлели и становились естественными, словно очищаясь от всего не своего, не собственного их душе...

На следующий день Антон принёс флейту на работу. Он решил играть несколько минут перед началом работы, после работы и подольше в обеденный перерыв. Реакция сотрудников была похожа на реакцию домочадцев: были и насмешки, и откровенные издевательства, и верчение пальцем у виска, и просто сочувственные улыбки и взгляды. Но затем люди всё с большим и большим интересом стали относиться к игре Антона, а через месяц они уже не представляли себе, что, придя на работу, не услышат чудесных очищающих душу и воодушевляющих мелодий этой удивительной флейты.

Вскоре у сотрудников дома появились семейные портреты, писанные маслом и акварелью, натюрморты. Одежда их на работе, продолжая оставаться достаточно строгой, стала более разнообразной. Стали регулярными совместные выезды за город, походы в театр и на концерт, на день рождения виновники торжества получали поздравления в стихах.

Главное же было не это – у всех посветлели лица, засветились и потеплели глаза, подобрали отношения, и после работы люди понесли это состояние и в транспорт, и в свои дома. И там всё постепенно стало меняться к лучшему.

Ведь хорошее тоже заразно!

